

На правах рукописи

ФЕОКТИСТОВА Любовь Александровна

**НОМИНАТИВНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
АБСТРАКТНОЙ ИДЕИ**

**(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ПРОПАСТЬ, ИСЧЕЗНУТЬ’)**

Специальность: 10. 02. 01 – русский язык

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2003

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Научный руководитель: доктор филологических наук
Е.Л. Березович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
С.М. Толстая
кандидат филологических наук
Н.И. Коновалова

Ведущая организация: Пермский государственный университет

Защита состоится 9 декабря 2003 г. в 15 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан « __ » _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена ономазиолого-этимологическому анализу лексики со значением 'пропасть, исчезнуть' в русском литературном языке и народных говорах.

«Изучение “внутренней” мотивации (мотивационных моделей или моделей номинации) в отдельных группах (семантических полях) русской и славянской лексики получило широкое распространение и стало привычным “жанром” (аспектом) лексикологических и семасиологических исследований»¹. Среди наук, «заинтересованных» в анализе моделей мотивации, следует, конечно, назвать и этимологию: системное описание моделей призвано помочь преодолеть присущую этой науке замкнутость на отдельно взятый языковой факт, «точечность», «этнодность»; исключительно важным признается создание перечней, словарей существующих в языке семантических связей (А.Е. Аникин, Ж.Ж. Варбот, А.А. Калашников, В.А. Меркулова, Ю.В. Откупщиков, Н.В. Пятаева, О.Н. Трубачев, Т.А. Черныш, Л.И. Шеленкова и др.).

Вместе с тем выявление корпуса «внутренних» мотивационных моделей и установление причин выбора легших в основу номинации признаков позволяет реконструировать определенный фрагмент языковой картины мира, что входит в круг интересов этнолингвистики (см. исследования М. Белетич, Е.Л. Березович, Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлева, В.И. Коваля, Л.В. Куркиной, Д. Младеновой, В.М. Мокиенко, М.Э. Рут, С.М. Толстой, М. Якубович, И. Янышковой и др.).

Другим направлением, в задачи которого входит реконструкция отдельных фрагментов наивной картины мира (но без учета ее диахронической сложности и только в «зеркале» языка), является когнитивная лингвистика, ключевые понятия которой – понятия концептуализации и категоризации (изучению процесса концептуализации и связанной с ним проблемы когнитивной дефиниции посвящены работы Е. Бартминского, Е.Г. Беляевской, В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной и др.).

Выбор объекта исследования – лексики со значением 'пропасть, исчезнуть' – обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, лексико-семантическая группа, включающая в себя лексемы и фразеологизмы с разной степенью мотивированности, нуждается в выявлении типичных моделей смыслопроизводства, на которые можно будет опереться при семантической реконструкции и этимологизации «темных» слов. Это обстоятельство вводит настоящую работу в круг ономазиолого-этимологических исследований.

Во-вторых, избранное для анализа лексическое поле представляет большой интерес с точки зрения антропологической парадигмы исследования языка прежде всего в силу абстрактности идеи, реализуемой единицами этого поля, ее отнесенности к сфере экзистенциального, бытия вообще. Сложность процесса смыслообразования в данном случае усугубляется тем, что исчезновение по

---

¹ Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. № 1 (3). М., 2002. С. 122.

сути своей довольно иррационально и даже парадоксально: говорящему трудно осознать факт отсутствия предмета речи там, где он только что находился или должен был быть. Это заставляет субъекта номинации снова и снова обращаться к данному понятию в поисках наиболее адекватных способов его языкового воплощения, о чем свидетельствует большое количество лексических единиц со значением 'пропасть, исчезнуть'. Изучение того, какими путями развивается мысль, облекая в языковые формы представления об исчезновении, помогает решить важную для когнитивистики задачу выявления логики языковой концептуализации.

В-третьих, здесь интересны не только механизмы «языковления» абстрактного смысла, но и само содержание этого процесса, поскольку идея исчезновения имеет ощутимый этнокультурный колорит: представления об исчезновении близки представлениям о небытии, смерти. Можно даже предполагать, что появление множества номинаций, выражающих эту идею, обусловлено не только трудностями постижения абстрактного смысла, но и действием языкового табу (так же, как в случае идеи смерти). В силу этого особенности языковой реализации изучаемой идеи имеют ценность для реконструкции традиционной картины мира, а значит, важны для этнолингвистики.

Актуальность предпринимаемого исследования связана прежде всего с неразработанностью данной темы в современной русистике, а также с необходимостью систематизации семантического анализа в этимологии, последнее может быть достигнуто путем выявления регулярных семантических переходов. Их интерпретация с позиций когнитивной лингвистики и этнолингвистики позволяет реконструировать значимый фрагмент языковой картины мира.

Цель настоящей работы – охарактеризовать своеобразие и механизмы воплощения идеи исчезновения в русском языке посредством ономаσιолого-этимологического анализа лексики со значением 'пропасть, исчезнуть'.

Задачи данной работы таковы: 1) определить состав изучаемой лексико-семантической группы в русском литературном языке и народных говорах; 2) произвести ономаσιологический анализ корпуса лексических единиц и устойчивых сочетаний; 3) осуществить семантическую реконструкцию лексем и фразеологизмов с затемненной внутренней формой с опорой на метод семантических параллелей; 4) произвести классификацию мотивационных моделей в соответствии с типами реализуемой ими семантики; 5) установить закономерности концептуализации и описать концепт исчезновения в русском языке, выявить особенности реализации данного концепта в литературном языке и народных говорах.

Материал для исследования был извлечен путем сплошной выборки из различных лексикографических **источников**. Основным источником стали «Словарь русского языка в 4-х томах» и «Словарь русских народных говоров». С целью пополнения и уточнения данных последнего привлекались диалектные словари XIX в., а также ряд современных региональных словарей, охватывающих территорию севернорусских говоров и дочерних по отношению к ним говоров Среднего Урала, и неопубликованная обширная картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета). Для пополнения корпуса фразеологизмов были использованы данные «Словаря русской фразеологии», «Фразеологического сло-

варя русского литературного языка», «Фразеологического словаря русских говоров Сибири» и «Словаря псковских пословиц и поговорок».

Отбор материала производился с опорой на значения (лексико-семантические варианты) глаголов *исчезать*, *пропадать*, *теряться*, которые можно считать доминантами исследуемого синонимического ряда (рядов). Вербальные формулы (проклятия) типа бран. *чтоб ты (он и т.п.) пропал!* привлекались к анализу лишь в тех случаях, когда прослеживался параллелизм моделей номинации; то же касается и лексических единиц с противоположными значениями – ‘возникнуть, появиться’, ‘найтись, отыскаться’.

В работе использованы следующие **методы**: метод ономастического анализа, метод компонентного семантического анализа, различные методики и приемы этимологического анализа (методика семантических параллелей, анализ морфо-семантического поля, учет лингвогеографических данных).

Научная новизна исследования. В работе впервые осуществлено системное описание слабо изученной группы лексики русского языка с точки зрения ее семантической структуры и происхождения (мотивации). Это позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира, связанный со сферой экзистенциального, – представления о пропаже, исчезновении. В научный оборот вводится обширный лексический материал – в том числе факты, отсутствующие в опубликованных словарных источниках по русской диалектной лексике.

Теоретическая значимость работы. В исследовании предложена методика анализа способов воплощения в языке абстрактных смыслов (на материале лексики со значением ‘пропасть, исчезнуть’). Идеи и выводы диссертации значимы для развития когнитивного аспекта ономастических исследований, а также для изучения этнокультурного потенциала русской лексики. В работе даются этимологические решения для ряда не рассматривавшихся ранее диалектизмов, в отдельных случаях дополняются и уточняются уже известные этимологии.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах по русской диалектологии, в спецкурсах и спецсеминарах по ономастологии, этимологии, а также при составлении диалектных этимологических словарей – в том числе «Материалов для этимологического словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера», который создается на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета.

Апробация работы. Основные выводы и положения исследования изложены автором в докладах на III научном совещании и IV Международной научной конференции «Русская диалектная этимология» (Екатеринбург, 1999; 2002), Всероссийской научной конференции «В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография» (Ярославль, 2001), VIII Российской научно-практической конференции «Сельская Россия: прошлое и настоящее» (Орел, 2001), Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2002), Международной научной конференции «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (Екатеринбург, 2001). По теме исследования опубликовано 11 работ.

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы, список сокращений, принятых в работе, а также указатель лексем и фразеологизмов со значением ‘пропасть, исчез-

нужь'. Общий объем работы – ... с., из них ... составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, характеризуется материал и принципы его отбора, определяются цель работы, задачи и методы исследования, излагаются принципы классификации материала, учитывающие его специфику.

В основе классификации лежит принцип разграничения тех мыслительных операций, которые совершает номинатор при постижении абстрактного смысла в процессе номинативной деятельности. Субъект номинации выбирает разные способы истолкования такого смысла. В одних случаях он как будто пытается дать определение тому, что значит исчезнуть, путем конкретизации неких базовых компонентов этого понятия: бытийного, посессивного, пространственного, временного и перцептивного (см. ниже в таблице). В других случаях номинатор идет дальше и называет не только действие 'пропасть, исчезнуть' или ведущее к нему, но и другие компоненты этой ситуации, второстепенные и даже ненужные с логической точки зрения, но важные для наглядного представления этого действия, при этом «когнитивная дефиниция» выстраивается по формуле: «исчезнуть – это когда ...». См., к примеру, устар. *пропасть как Бекович*, диал. сиб. *исчезать как моли́ца*, где *моли́ца* 'снежинка' (субъект действия); литер. *как водой смыло, как ветром сдуло, выветриться* (субъект-каузатор исчезновения); разг. *как рукой снимает*, диал. пск. *как метлой смести* (инструмент действия); литер. *без вести пропасть, и след простыл* (образ действия); литер. *как сквозь землю провалился, как в воду канул* (место исчезновения). По сути дела, различия между этими когнитивными стратегиями сводятся к противопоставлению логического мышления и образного (предметного, конкретно-чувственного). Необходимо, однако, иметь в виду, что указанные мыслительные операции – составляющие одного процесса означивания, которые соотносятся с разными его этапами (уровнями). В первой и второй главе работы рассматриваются особенности реализации этих когнитивных стратегий в языковом материале.

В *первой главе* («Понятие исчезновения и его номинативное воплощение») выявляется смысловое наполнение базовых компонентов изучаемого понятия, выстраивается структура значения 'пропасть, исчезнуть' (подчеркнем, что речь идет, конечно, не о значении отдельно взятой лексемы, а некоем мета-значении, объединяющем слова одной лексико-семантической группы).

В ходе ономастолого-этимологического анализа частные модели были объединены в более крупные структуры на основе общности категориальных сем, которые можно было бы определить как *принципы мотивации*. Эти принципы, как оказывается, совпадают с некими смыслообразующими категориями, выделяемыми на основе компонентного анализа парадигмы значений гл. *пропадать, исчезать, теряться*, ср.:

базовый компонент значения	лексическое значение	мотивационное значение
бытийный	'переставать существовать';	'перестать существовать',

	утрачиваться'	'перестать гореть, светить', 'перестать звучать', 'прийти к концу', 'истратиться' и др.
посессивный	'теряться, пропадать', 'быть невозвратно потерянным, не возвращенным'	'потеряться'
пространственный и временной	'быстро или незаметно ухо- дить, улетать, удаляться'	'уйти (сойти, отойти и т.п.)', 'уплыть', 'улететь', 'упасть', 'провалиться' и др.; 'находиться где-л. дольше, чем следует', 'делать что-л. медленно' и др.
перцептивный	'переставать быть видимым, доступным зрению; исчезать из виду', 'переставать быть слышным, доступным слуху' и др.	'перестать быть видимым', 'перестать быть слышимым', 'мелькнуть перед глазами', 'издать звук при ударе, толч- ке' и др.

В *первом разделе* данной главы представлены модели, реализующие **бытийный** компонент семантики исчезновения. Здесь лидерство модели 'перестать существовать / наличествовать' неоспоримо и достаточно предсказуемо (39 лексических единиц). В рамках этой модели номинация может быть осуществлена двумя способами (речь идет только о цельнооформленных лексических единицах): с помощью префиксации – в этом случае производящей основой являются гл. *быть, жить, вестись / водиться* (диал. арх. *выбыть*, литер. *изжиться*, диал. ср.-урал. *отводиться* и разг. *перевестись*) – и путем семантической деривации от глаголов со значением 'умереть', 'погибнуть', 'околеть' (литер. *умереть* 'исчезнуть, бесследно пропасть', диал. ленингр. *пáмишиться*, новг. *помийиться* при *пáмха (пóмха)* арх., волог., калин. 'слабость, недомогание', волог., новг., твер., калин. 'моровая болезнь, эпидемия', арх., ленингр. *околеть*, пск., ленингр. *завать*).

Второе место делят модели 'перестать гореть, светить' (диал. костр. *измёркать*, волог. *сгаснуть, потухнуть* литер. 'прекратиться, исчезнуть', диал. донск. 'исчезнуть надолго, пропасть') и 'перестать звучать' (литер. *глохнуть, затихнуть, стихнуть, утихнуть*), что тоже вполне объяснимо: перцептивно воспринимаемые признаки (зрительные, аудиальные и температурные) выполняют идентифицирующую функцию, являясь средством выражения чьего-либо существования. Вместе с тем «рейтинг» двух последних моделей поддерживает то, что в литературном языке активно функционируют «зрительная» метафора интеллектуальной деятельности и «симптоматическая» – эмоций.

Дериваты гл. *меркнуть, тухнуть* и *гаснуть* (литер. *меркнуть* 'терять силу, ясность, отчетливость (о мыслях, сознании, способностях и т.д.), исчезать', *потухнуть* 'прекратиться, исчезнуть': *мысль потухла*; *гаснуть* 'ослабевать, исчезать (о чувствах, чаяниях и т.п.)', *погаснуть* 'исчезнуть, заглухнуть (о чувствах, мыслях и т.п., недавно ярко, бурно проявлявшихся)'), отражают восприятие интеллектуальной деятельности через метафору света (ср., например, *светлая мысль, светлый ум* и *туман в голове, морочить голову, обморок*), базирующую

ся на представлениях о зрении как о способе познания, и восприятие эмоций через метафору света и/или огня, в основе которой лежат внешние проявления внутренних состояний человека.

Литер. *замолкнуть, замолчать*, *умолкнуть* ‘перестать проявляться, обнаруживаться (о рассудке, чувствах)’ восходят к представлениям о *голосе рассудка* и звучании чувства (см. *звучать* ‘обнаруживаться, проявляться в звуках голоса, в пении, в словах и т.п.’).

На третьем месте по степени продуктивности модель ‘прийти к концу, кончиться’ (диал. ср.-урал. *кончиться*, простореч. *сойти на нет*, диал. арх. *выйти на клин*, новг. *сесть на корень*). Сходные смыслы присутствуют и в рассмотренных выше моделях (прекращение существования, горения и пр.). Все это говорит о том, что пропажа, исчезновение осмысляются прежде всего как окончание существования, а не как противоположное экзистенции состояние небытия. Ср. модель ‘превратиться в ничто’ (литер. *превратиться (обратиться) в ничто, уничтожиться*, простореч. *изничтожиться*, диал. пск., твер., арх. волог. *изнетиться*).

Число реализаций остальных моделей не превышает десяти, список замыкают ‘испариться’ (литер. *испариться*, диал. арх. *выпариться*), ‘прекратить действие, движение’ (арх. *встать*, перм. *составь*), ‘обветшать’ (арх., перм. *износиться*, пск., твер. *нититься*) и ‘отсутствовать’ (енис. *нетком звать*, ср. устар. *в нетях (нетех) быть* ‘отсутствовать, находиться неизвестно где’).

Среди таких малопродуктивных моделей внимания заслуживают прежде всего ‘испариться’ и ‘растаять’ (литер. *таять, растаять* литер. ‘постепенно исчезнуть, стать незаметным, неслышным, неосязаемым’, диал. арх. ‘потеряться, исчезнуть (о вещи)’, перм. *модем изойти* ‘бесследно пропасть’, ср. яросл., волог., новг. *моде́ть* ‘таять (о снеге, льде)’), которые объединяет сема ‘изменение агрегатного состояния’: через названные процессы исчезновение подается как переход из одного состояния в другое (т.е. из бытия в небытие).

Едва ли не более актуален для дериватов «таяния» признак размельчения, уменьшения в размерах, который сближает их с лексемами, имеющими в качестве исходного значение ‘истощиться, потерять силы’ (байкал. *изныть*, арх., свердл. *хизнуть*). Такие же семантические связи восстанавливаются и для литер. *исчезнуть*, ср., к примеру, сербохорв. *ишчезнути* ‘ослабеть, изнемогать (от заботы, от печали, от тоски)’, ‘исчезнуть, пропасть’, польск. редк. *czegnać* ‘чахнуть, сникать, пропадать’, блр. *чэзнуць* ‘изнуряться’ [ЭССЯ 4, 100; 9, 23].

Вообще, признак уменьшения сопровождается целым рядом процессов, в том числе и упоминавшиеся выше ‘перестать гореть, светить’, ‘перестать звучать’, а также ‘истратиться, израсходоваться’ (байкал. *испотребиться*, олон. *держаться*), и служит промежуточным звеном между этими значениями и значением ‘прийти к концу, кончиться’.

В числе причин, ведущих к исчезновению, следует назвать также нарушение целостности объекта: ‘разбить, сломать’ (литер. *крушение*, диал. арх. *расшибать, выцелкать*, волог. *долупать*), ‘разрушиться’ (литер. *рушиться*, диал. волог., арх., карел. рус., костр. и др. *решиться* и производные от них) и ‘сгнить’ (диал. арх. *выгнить*, яросл. *праховеть*, литер. *превращаться в прах*).

За семантической моделью ‘испортить(ся)’ → ‘перестать существовать’ стоит представления о необходимости соответствия того, что существует, некоей

норме. Этот переход можно наблюдать в гнезде корня **pak-*, где идея несоответствия норме получает регулярное и весьма разнообразное выражение (обозначения физических недостатков, дефектов речи, отсутствия умений, навыков и мн. др.). См. арх. *pákать* 'портить, пачкать', волог. *páknуть* 'стать (становиться) негодным, портиться' и 'пропасть, исчезнуть'.

В рамках этой модели функционирует и новг., ленингр. *áредом пойти* (*пропасть, рассыпаться* и т.п.), волог. *áредом взять*. Ср. значения 'сломать, испортить', 'устроить беспорядок', фиксируемые у второй идиомы, а также волог. *всё áредом* 'в полном беспорядке, в крайне запущенном состоянии', *áред* новг., арх., волог., карел. рус. 'вредный, злой человек', волог., ленингр., карел. рус. 'озорник, шалун'. Диал. *áред* восходит к имени библейского персонажа Иареда, прожившего якобы 962 года [Фасмер I, 85] и обладает, в силу актуализации семы чрезмерного проявления признака, мощным экспрессивным зарядом, направляющим развитие производных от *ареда* значений². Однако появление у этой лексемы семантики причинения вреда, «вредительства» может быть связано и с представлениями об отмеренности срока жизни и компенсации сверх меры долгой жизни одного сокращением жизни другого: ср. фразеологизмы *заедать чужой век, жить не свой век* и под., т.е. тот, кто *зажился на свете*, невольно вредит другому, отнимая его «долю».

Сразу несколько линий семантического развития представлено в гнезде корней с семантикой гнутья, прежде всего корня **gyb-*: литер. *сгибнуть*, разг. *сгинуть*, диал. курск., новг., арх., волог. *гинуть*, яросл., ср-урал., вят., перм., курган. *изгинуть* и мн. др. (модель 'согнуть(ся), погнуть(ся)').

С одной стороны, отправной точкой для развития семантики может стать значение 'комкать, мять, ломать', от которого производны, во-первых, 'делать что-л. неудачно, плохо' и, следовательно, 'впустую' (литер. *гибнуть*, *погибнуть* 'проходить бесплодно, безрезультатно; пропадать'), во-вторых, 'разрушать, уничтожать' (литер. *гибнуть*, *погибнуть* 'подвергаться уничтожению, полному разрушению (обычно при катастрофе, бедствии и т.п.)', 'исчезать').

С другой стороны, существует возможность развития значения 'пропасть, исчезнуть' на базе 'умереть': литер. *гибнуть* 'умирать, переставать существовать', диал. перм., волог., арх., твер. и др. *загинуть* 'погибнуть, пропасть', ср-урал., яросл. *изгибать* 'погибать, умирать, подыхать, пропадать, теряться'.

Во **втором разделе** описывается единственная модель, которая реализует компонент **принадлежности, обладания**, тесно связанный с бытийным (ведь 'иметься' не что иное, как 'быть у кого-л.'). Модель 'потерять(ся), утратить(ся)' репрезентируют литер. *теряться* и производные от него приставочные глаголы, *утратиться*, диал. калуж. *лиши́ться* 'исчезнуть, утратиться' и мурм. *обрестись* (в семантической парадигме последнего слова наблюдается энантиосемия: значение исчезновения соседствует со значением (арх.) 'отыскаться, обнаружиться').

В **третьем разделе** представлены модели, реализующие **пространственный и временной** компоненты семантики исчезновения. С помощью этих моделей описываются две ситуации исчезновения – это удаление из одного локуса

² Родионова И.В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 143.

(литер. *исчезнуть* ‘незаметно или быстро удалиться’) и нахождение в другом (литер. *пропадать* ‘быть, находиться где-л.; проводить время где-л. вне дома’). Если быть более точным, пространственные и временные модели обозначают только вторую из названных ситуаций, тогда как первая осмысливается исключительно в категориях пространства (причины этого очевидны: именно длительность отсутствия где-либо и служит основанием для квалификации происходящего как следствия пропажи, исчезновения).

Анализ моделей реализации пространственной и временной составляющих значения ‘пропасть, исчезнуть’ показывает, что исчезновение в подавляющем большинстве случаев оказывается связанным с изменением местонахождения объекта. О том, насколько высока степень лексической объективации представлений о пропаже, исчезновении в связи с перемещением в пространстве, можно судить по многочисленным вторичным употреблением глаголов движения, которые к тому же демонстрируют разнообразие «способов» исчезновения.

Глаголов, нейтральных к обозначению способа и среды перемещения, среди производящих основ не так уж много. Это прежде всего глаголы хождения, которое в силу антропоцентричности языковой картины мира является прототипическим образом движения. См. литер. *отойти* ‘стать незаметным, исчезнуть; сойти’: *пятью отошло; сойти* ‘исчезнуть, пропасть (о румянце, улыбке и т.п.)’, *уйти*, простореч. *был да весь вышел*.

Весьма любопытно пенз. *закошляться* ‘пропасть, уехать, скрыться в неизвестном направлении’, которое, по-видимому, образовано от гл. *шляться* с помощью архаичной приставки *ко-*. Ср. смол. *закошелять* ‘отдать, промотать (деньги, имущество и т.п.)’, *закошеляться* ‘предаться гульбе, загулять’, *накошелять*, *накошеляться* ‘пространствовать, находиться вдоволь’, хабар. *раскошеляться* ‘уехать; отделиться от родителей’, новосиб. *перекошѣлиться* ‘переселиться; перейти к кому-л.’, в которых может быть представлен тот же корень – только подвергшийся сближению с лексемой *кошель*, на что указывают изменившиеся под воздействием народной этимологии значения этих слов.

Значительно больше число глаголов, различающихся по способу и среде перемещения: литер. *сползти*, *соскользнуть*, диал. сиб. *здесь лежала, куда сбежала*, простореч. *унырнуть*, литер. *проплыть*, диал. арх. *вылететь* и др.

В тех случаях, когда роль субъекта действия приписывается абстрактным понятиям – явлениям интеллектуально-эмоциональной сферы, – выбор при номинации способа и/или среды перемещения зависит от особенностей концептуализации этих феноменов. Мысли и чувства (а также некоторые физиологические состояния – болезнь, состояние опьянения) могут, подобно запаху или дыму, перемещаться по воздуху (литер. *улетучиться*, *выкуриться* и др.) или, как жидкость, наполнять человека (литер. *схлынуть* ‘сразу, мгновенно ослабеть, исчезнуть’: *страх схлынул, напряжение схлынуло*).

Движение по вертикали, судя по частотности номинаций, отмечено в несколько большей степени, чем движение по горизонтальной оси (показательно и то, что гл. *пропасть* употребляется наряду с *исчезнуть* в качестве основного средства выражения этой семантики). См. диал. вят., арх. *падать*, карел. рус. *опасть*, яросл., костр., вят., свердл. и др. *западать*, *запасть*; ряз. *зник* ‘исчезни, провались’, ряз. *ни знику ни поніку* ‘нет никаких известий о ком-л., ни слуху ни

духу', донск. *нет по́знику* 'бесследно исчезнуть'; литер. *кануть*, диал. новг. *капать, закапать*, мурм. *закануть*.

В семантике большинства глаголов движения содержится указание на начальный пункт перемещения, но есть примеры ориентации на конечный пункт ('нырнуть', 'упасть', 'провалиться'), движения в сторону (литер. *устраниться*, диал. ср.-урал. *оти́таться*), в разные стороны (литер. *разойтись, рассеяться*), хаотичного движения (пск., твер. *петляться*).

Следует отметить, что именно параметр направления движения задействует-ся при осмыслении в пространственных категориях и противоположного исчезновению появления кого-, чего-либо, возможна даже антонимия структурно идентичных образований. Ср., к примеру, арх. *вылететь* 'исчезнуть, пропасть' и 'неожиданно образоваться, появиться', ленингр. *выскочить* 'пройти, исчезнуть' и 'возникнуть, начаться'.

Ситуация длительного пребывания где-либо, являясь «обратной стороной» отсутствия, непоявления в другом месте, как правило, осмысляется через утрату субъектом действия возможности движения: 'застрясть' (разг. *застрясть*, диал. твер., пск. *колом сесть*), 'увязнуть' (олон. *загрязнуть*, урал. *зальнуть*), 'уто-нуть' (моск. *затопиться*, перм. *утонуть*), – а также через его неподвижность: 'замерзнуть, затвердеть' (вят. *колеть, заколеть*).

Удаление из одного локуса и длительное пребывание в другом могут быть вызваны такими действиями, как 'унести' (простореч. *где тебя черт носит*, диал. орл. *пес на хвосте унес*, перм. *ворона на гнездо унесла*), 'взять' (яросл. как *Мамай побрал*, донск. *изрец Покромкин ухватил при изрец* 'нечистый или злой дух, бес; домовый', волог. *собака схватила*), 'изъять, удалить' (литер. *сняться*, диал. арх., волог. *отняться, свестись, выключиться*), 'очистить' (волог. *зачиститься*), 'выкорчевать' (литер. *искорениться*, диал. ср.-урал. *выкорениться*, волог. *пáкорчю пойти*), 'засунуть, задевать' (разг. *деться*, диал. ленингр. *подеться*), т.е. исчезнувший выступает уже не как субъект, а как объект какого-либо действия.

В рамках модели 'засунуть, задевать' весьма любопытен случай образования от одной и той же основы – гл. *торить* 'прокладывать борозду, тропу' – синонимичных глаголов с чередующимися архаичными префиксами *мо-, бу-*: орл. *замотóрить* 'затащить, затерять, запропастить' и *замотóриться* 'затеряться, запропаститься', прикам. *забу́торить* 'нарушить порядок, разбросать, раскидать' и сиб., перм. *забу́ториться* 'запропаститься, пропасть; замешкать'. Ср. без вставного элемента твер. *затóрить* 'затолкать в толпе' и *втóрить* 'засунуть, затолкать куда-л.'.

На базе этой модели может быть истолковано влад. *затемяи́шется* 'пропасть, запропаститься': см. *затемяи́шь* 'втемяшить, вбить в голову, заставить знать и помнить', 'забить ударами по голове, до того, что поглупеть'.

Между автономными и неавтономными действиями исчезнувшего наблюдается замечательное сходство: так, перемещение в какой-либо среде может быть осуществлено самостоятельно – 'уплыть', 'улететь' – или под воздействием этой среды – 'смыть, унести течением воды' (литер. как *водой смыло*, диал. донск. *утечь с коломутной водой*), 'сдуть (ветром)' (литер. как *ветром соуло, выветриться*). Это касается и движения по поверхности – ср. 'сползти, со-

скользнуть' и 'провести чем-л. по поверхности' (литер. *стереться, сгладиться, будто корова языком слизнула, волог. как Фома смел*). Сема невозможности или трудновыполнимости действия объединяет 'застрять', 'увязнуть', 'утонуть' (т.е. 'попасть туда, откуда трудно или невозможно выбраться') и 'засунуть, задевать' (т.е. 'положить так, что потом трудно или невозможно найти').

Временной компонент – так же, как и пространственный, – представлен в значениях глаголов по-разному и в различной степени: быстроте удаления из одного локуса (разг. *нырять*, диал. новг. *ныркать*, литер. *соскользнуть, схлынуть*, разг. *слететь*) противопоставлена длительность нахождения в другом (ср., однако, литер. *проплыть* 'представиться в воображении и постепенно исчезнуть'). Если в семантике глаголов движения, используемых для обозначения пропажи, исчезновения, «составляющая скорости неразрывно спаяна с составляющей действия»³, то в номинациях длительного отсутствия где-либо эта составляющая выходит, конечно, на первый план. См. модели 'находиться где-л. дольше, чем следует' (олон. *задлаться*), 'делать то, что занимает много времени' (перм. *есть быка*, пск. *построить дом*), 'делать что-л. медленно' (ворон. *замы џмриться*, ср. *мы џмрить* новг. 'делать что-л. медленно', вост. 'вяло и долго жевать, говорить вяло или нечисто'; *кошеля џться* пск., твер., яросл., казан. 'медлить, мешкать' и пск., твер. 'задерживаться, копаться где-л.', 'затериваться, пропадать чему-л.').

Если не принимать во внимание модель каузации положения в пространстве ('засунуть, задевать'), то можно отметить, что временные и пространственные модели исчезновения-локализации вполне соотносятся друг с другом по общему количеству и по степени продуктивности, отдельные – и по смыслу. Так, идея несоответствия ситуации определенной норме (основополагающая для представлений о длительном отсутствии vs. пребывании где-либо как об исчезновении) воплощается через указание на относительный признак: пространственный ('валиться, лежать не на месте') или временной ('находиться где-л. дольше, чем следует', 'делать что-л. медленно'). Модели 'замерзнуть, затвердеть' (→ 'стать неподвижным') и 'остановиться в росте, развитии' объединяет идея прекращения движения (во времени или пространстве), которая выражается через указание на определенное состояние субъекта действия (физическое или физиологическое).

В *четвертом разделе* рассматриваются модели, реализующие **перцептивный** компонент семантики исчезновения. Во внутренней форме достаточно большого числа языковых единиц находит отражение участие зрения и слуха в восприятии исчезновения, тогда как примеры участия в номинации какого-либо иного вида восприятия (обонятельного) немногочисленны: простореч. *чтобы и духом не пахло*, разг. *и не пахнет, ни слуху ни духу*.

Следует отметить, что объектом номинации является не только процесс исчезновения (способ действия), как в случаях реализации бытийной, посессивной или пространственно-временной семантики, но и его субъект – исчезнувший. В

---

³ Варбот Ж.Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С.115.

зависимости от того, что именно оказывается в фокусе внимания номинатора, «зрительные» и «слуховые» модели номинации можно подразделить на те, которые отражают восприятие субъекта действия, и те, в которых запечатлено восприятие совершаемых им действий.

Субъект действия оказывается в буквальном смысле вне поля зрения номинатора: см. костр. *в завидях нету*, волог. *и завиданья нет*, карел. рус. *и в повида-ние нет* (‘оказаться недоступным зрению (слуху)’), свердл. *покрыться* (‘перестать быть видимым’), литер. *скрыться, прятаться*, диал. пск., курск., тамб. *заховаться*, новг. *прихóрнуть* (‘спрятаться, скрыться из виду’). Наиболее отчетливо идея потери исчезнувшего из поля зрения выражена в устойчивых сочетаниях: литер. *исчезать из глаз, теряться из вида*, диал. новг. *потеряться из глаз долой*, устар. *сокрыться от очей*.

В качестве параллели к «зрительной» номинации исчезнувшего можно рассматривать простореч. *слыхом не слыхать*, диал. волог. *в слухах нет*, арх. *и во слухах нет*.

Если для визуальных номинаций исчезнувшего актуальным является признак ‘не оставив следа, бесследно’, то при наблюдении за исчезновением актуализируется признак быстроты совершаемого действия: разг. *только (его, ее и т.п.) и видел*, диал. новг. *пока и свет видал*. В основе этих фразеологизмов лежит, по-видимому, идея однократного мигания – движения, с помощью которого определяется самый короткий промежуток времени: ‘скрыться в одно мгновение, мгновение ока’ (устар. *мгновение ока* как раз и раскрывает первоначальный смысл *мгновения, мига*).

Своего рода аналогом номинативной «визуализации» исчезновения предстает его звуковая инструментовка с помощью звукоподражательных глаголов и междометий: арх. *гигнуть, гикнуть, гинуться, сгикать*, волог. *кйкнуть, мйкнуть* и мн. др. Сходные по своей внутренней форме, звукоподражания достаточно неоднородны в мотивационном отношении, так как могут реализовывать разные номинативные модели. См. модели ‘издать звук при ударе, толчке (падении)’ (арх. *вякнуть* ‘ударить, стукнуть’, ‘издать звук при ударе’ и ‘исчезнуть, пропасть’, *ёкать* арх. ‘раздаваться, ухать, разрываясь с грохотом, с глухим звуком’, ‘ударять, бить с силой’ и яросл., нижегор. ‘исчезать, пропадать’), ‘переместиться так быстро, что заставить «свистеть» воздух’ (разг. *фюйть, фьють*, диал. ср.-обск. *свистнуть*).

Семантическая реконструкция звукоподражаний представляется в известной степени избыточной, поскольку значение ‘пропасть, исчезнуть’ вполне отвечает их экспрессивной семантике, чем и объясняется такая популярность звукоизобразительных средств при номинации исчезновения. Среди таких наименований преобладают диалектные данные, это обусловлено более широким, по сравнению с литературным языком, распространением ономотопеи в говорах в силу более экспрессивного характера устной речи, в форме которой последние и существуют.

В ходе предыдущего изложения было выявлено смысловое наполнение базовых компонентов значения ‘пропасть, исчезнуть’: бытийного, посессивного, пространственно-временного и перцептивного. Модели номинации, в которых находит выражение какой-либо из семантических множителей, позволяют судить о том, какое положение занимают последние в структуре этого значения и

как они соотносятся друг с другом. Учитывая количество моделей, с помощью которых описывается та или иная ситуация исчезновения (прекращение существования – 20, утрата, потеря – 1, удаление из одного локуса и нахождение в другом – 24 и 10, зрительное или слуховое восприятие уже исчезнувшего субъекта и действий, ведущих к исчезновению – 10), можно заключить, что ядро значения ‘пропасть, исчезнуть’ составляют смыслы прекращения существования и перемещения в пространстве.

Если проводить аналогию между компонентами лексического значения и составляющими метауровня семантики исчезновения, то последние можно сравнить с сигнификатом значения слова (тогда модели номинации следует рассматривать в качестве денотативного компонента метазначения).

В ряде случаев модели реализации базовых сем или отдельные репрезентанты этих моделей выражают коннотативный компонент метазначения, связанный с выражением экспрессии. Его содержат «слуховые» модели ‘издать звук при ударе, толчке (при падении)’, ‘переместиться так быстро, что заставить «свистеть» воздух’ (вообще, все звукоподражания); слова, реализующие модель ‘засунуть, задевать’ (южн., яросл., олон., курск. *зананáстítься*, яросл. *засоба́чítься*); наконец, фразеологизмы, которые экспрессивно маркированы в силу парадоксальности своей внутренней формы – литер. *только за смертью посылать*, диал. ленингр. *живой смертью умереть*, перм. *утонуть на сухом берегу*, арх. *взял безрукой*, сиб. *не найти ни днем с огнем, ни вечером с лучиной*.

В отличие от эмоциональной оценки самого факта исчезновения, действия, которые ему предшествуют, оцениваются вполне рационально с точки зрения их соответствия определенной норме. См. такие модели реализации бытийной и пространственно-временной семантики, как ‘испортить(ся)’, ‘согнуть(ся), погнуть(ся)’, ‘отклониться в сторону’, ‘валяться, лежать не на месте’, ‘находиться где-л. дольше, чем следует’, ‘делать что-л. медленно’.

До сих пор при анализе внутренней формы слов и выражений со значением ‘пропасть, исчезнуть’ мы опирались только на базовые компоненты семантики, учитывающие характер самого действия, при этом оставалась в тени структура ситуации исчезновения, ядром которой является такое действие. Выявленные в ходе предыдущего изложения четыре типа моделей (бытийные, посессивные, пространственно-временные и перцептивные) могут быть развернуты в четыре типа ситуаций, характеризующихся определенным составом участников, т.е. актантной структурой. Во *второй главе* работы («Ситуация исчезновения и ее **номинативное воплощение**») представлены различные варианты ситуации исчезновения и ее компоненты (семантические актанты).

В наибольшей степени оказывается разработанной ситуация **удаления откуда-либо**, о чем можно судить и по количеству актантных мест, задаваемых предикатом (субъект, субъект-каузатор, инструмент, образ и место действия), и по обьему, наполненности отдельно взятого функционального класса.

Воли субъекта действия могут выступать ветер (разг. *ищи (свищи) ветра в поле*), вода (разг. *как с гуся вода*) и частица жидкости – капля (диал. новг. *капать, закапать*, литер. *кануть*, диал. мурм. *закануть*), камень (литер. *как камень в воду*), пыль (диал. сиб. *пыль на колесе*, литер. *как прах*), птица (простореч. *улетела птичка*) и часть тела животного – хвост (новг. *что лягухе*

хвост, скок да и нет), нечистая сила (устар. *и все беси в воду, и пузарья вверх*, ср. украинские наименования нечистой силы – *чизебзи, пропáсник*), человек (литер. *Митькой звали*, диал. перм. *ну и черт с им, что пропал Максим при волог. максім ‘глупый человек’, погибоша аки обре, сгинул как швед под Полтавой*, устар. *пропасть* как *Бекович*⁴).

Некоторые из этих образов представляют собой эталоны не только исчезнувшего, но и субъекта-каузатора (того, кто вызывает чье-либо исчезновение). Таковыми являются ветер (литер. *как ветром сдуло, выветриться*, диал. курск. *завіхриться*, курск., орл., калуж., донск., тул. *завеяться, вінуть* свердл. ‘подуть, повеять’ и перм. ‘быстро исчезнуть, пропасть’), вода (литер. *как водой смыло*, диал. донск. *утечь с коломутной водой*), птица (перм. *ворона на гнездо унесла*), нечистая сила (донск. *игрец Покромкин ухватил при игрец ‘нечистый или злой дух, бес; домовой’, пск. как бес украл, куда мара дела при мара ‘черт, нечистая сила’, черт заволок*, арх. *леший унес*), человек (влад., волог., яросл., карел. рус. *его и Митька прял*).

Яросл. *как Дунай побрал* возникло скорее всего в процессе вторичного апеллятивного функционирования гидронима, которому сопутствовало народноэтимологическое переосмысление имени по связи с глаголом *дуть, дунуть*⁵. Факт вторичного осмысления гидронима подтверждает записанная в тех же говорах идиома *побрел как Дунай* ‘о разоренном, все потерявшем’ (т.е. все «продувшем»). См. также устар. *дунаем смотреть* ‘о чьем-л. угрюмом, неприветливом, строгом взгляде’ (т.е. надувшись), отношения между именным производным гл. *дуть, дунуть* – *дунай*, и глагольным – *дуться* обыгрываются в поговорке *Дунаем смотрит: дунет и помин пошел, не усидишь*.

Трудно ответить на вопрос, насколько функция субъекта-каузатора характерна для человека, так как здесь мы сталкиваемся с антропоморфизацией субъекта действия – неслучайно он может быть назван одним из наиболее частотных имен (ленингр. *Ванька прял*, арх. *как Фома смел*). С точки зрения возможностей реализации семантической валентности предиката внимания заслуживает аттракция имени собственного к глаголу-мотиватору: см., к примеру, *Устинья ↔ стынуть* (арх. *Устинья ночевала ‘об исчезнувшей вещи’, первоначально ‘о холодной бане’*), *Мамай ↔ имать* ‘брать, хватать что-л.’ (яросл. *как Мамай побрал*). Заполняя позицию субъекта действия, имя вместе с тем кодирует исходное глагольное действие (см. также выше пару *Дунай ↔ дунуть*).

В функции субъекта-каузатора выступают также некоторые животные: корова (простореч. *как корова языком слизнула*), собака (волог. *собака схватила*, орл. *пес на хвосте унес*), – а также стадо животных или стая птиц (новг. *руно́м взяло при руно* волог. ‘стадо (овец)’, арх., волог., свердл., перм. и др. ‘стая, косяк рыбы’, тюмен. ‘стая птиц’).

⁴ Александр Бекович-Черкасский в 1717 г. был послан Петром I в Хиву во главе экспедиции на поиски золота, где и был вероломно убит.

⁵ Ж.Ж. Варбот указывает, что некоторые апеллятивные соответствия гидронима можно объяснить не его спонтанным семантическим развитием, а только в связи с действием народной этимологии и сближением с глаголом *дуть, дунуть*. – См. *Варбот Ж.Ж. Дунай в русской народноэтимологической реинтерпретации* // *Folia slavistica*. Пале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 5–9.

В номинациях на базе образа собаки это животное предстает в наиболее типичных для него ситуациях: часто собака хватает и уносит что-то в зубах, зацепляет, подбирает хвостом. Образ собаки, держащей добычу в зубах, находит отражение в предметной диалектной лексике, где широко используется для номинации различного рода зажимов, креплений и т.п. См. также простореч. *присобачить* ‘прикрепить, приделать что-л. к чему-л.’, способное прояснить мотивацию яросл. *засобачить* ‘засунуть, спрятать, положить куда-л. и забыть об этом’, откуда *засобачиться* ‘задеваться куда-л., исчезнуть, пропасть’. В то же время оформление гл. *засобачить* приставкой *за-* побуждает усматривать в нем следы народноэтимологической реинтерпретации глагола (яросл.) *запсати* ‘заложить, засунуть неизвестно куда, затерять’, производного от **рхати / *рхати* ‘толкать, колоть’⁶, который испытывает притяжение к сущ. *пес*.

В распоряжении номинатора не так уж много орудий, с помощью которых осуществляют действия, ведущие к исчезновению: это рука (разг. *как рукой снимает*, простореч. *как рукой смахнуло*) и подручные инструменты – метла (пск. *как метлой смести*, *как черт помелом опахал*), коса (перм. *как косой выкосило*), нож (литер. *как ножом отрезало*) и кну́т (пск. *как кнутом застену́ло*).

В новг. *руно́м прошло* через идею движения множества объектов – стада животных или стаи птиц – выражается признак интенсивного и одномоментного совершения действия – ‘сразу, за один прием’ (образ действия).

Если говорить о локусах, откуда и куда перемещается субъект действия, то необходимо отметить, что в качестве отправной точки избирается либо наиболее видимая часть пространства – сцена (литер. *сходить со сцены*), либо граница видимого пространства – земля (простореч. *как сквозь землю провалился*), дно (пск. *как сквозь дно провалиться*). Что касается конечного пункта, им может быть то, что находится в земле и под землей (диал. пск. *как будто в землю въехал*, *в землю (под землю) уйти*, литер. *провалиться в тартарары*), вода (литер. *как в воду канул*, диал. карел. рус. *как в воду пал*), гидрообъекты – омут (простореч. *будто в омут канул*), болото (ирк., колым., волог., перм. *провалиться (попасть и т.п.) как в камский мох* при арх., волог. и др. *мох ‘болото’*), объекты отрицательного рельефа – яма (пск. *из кожи в яму*), также воронье гнездо (перм. *ворона на гнездо унесла*).

В рамках ситуации **прекращения существования** могут быть замещены позиции субъекта, субъекта-каузатора и места действия.

Субъект действия подается как обобщенный носитель имени (диал. енис. *нетком звать*, литер. *поминай как звали*, диал. ср.-урал. *звание потерять*), как нечто тающее, подобно снегу (забайк. *исчезать как моли́ца*, где *моли́ца* ‘снежинка’), или как то, что разрушается, превращаясь в прах (литер. *превращаться в прах*, *пойти (рассыпаться, разлететься и т.п.) прахом*).

Субъекты-каузаторы таковы: огонь (новг. *огнем гореть*, ср.-урал. *сгореть и дыма нет*, волог. *испечься*), мыши и кошки (простореч. *мыши / киски съели*), собака (перм. *собаки съели*), волк (пск. *волки съели*), птицы (простореч. *птички склевали*, диал. пск. *будто журавы склевали*), наконец, человек, который

⁶ Варбот Ж.Ж. О специфике диалектной этимологии // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 12.

изображен предельно обобщенно – не говорящий, а кто-то другой (арх. *ры жнда съела*, ср. волог. *ры жнда сделает* ‘о нежелании что-л. сделать, предполагая, что это сделает другой’).

Среди локусов выделяются те, откуда исчезают (в выражении *быльем по-росло* представлен весьма наглядный образ места, где что-либо перестало существовать, отсутствует, – места, заросшего травой, пустоши), и куда попадают после смерти (литер. *кануть в Лету / в вечность, отойти в область предания* и т.п.).

Ситуация **зрительного восприятия** исчезнувшего (‘перестать быть видимым’) также трехкомпонентна: позицию субъекта-каузатора замещает иней, изморозь (волог. *охинеть* ‘обындовать’ и ‘сгинуть, пропасть, исчезнуть’), черт, закрывающий что-либо хвостом или лапой – орудием действия (см. *луканька хвостом накрыл*, пск. *черт лапой накрыл*); характеристика действия содержится в литер. *без следа (пройти, исчезнуть* и т.п.), *и след простыл (пропал), следа не осталось*.

Ситуация **потери, утраты** чего-либо находит отражение только в разг. *не иголка* ‘то, что будет замечено, что невозможно скрыть, утаить’ и литер. *как иголка в стогу сена (исчезнуть, затеряться)*, где обозначены сразу и субъект и место действия (вследствие малой величины иглы ее легко не заметить среди множества подобных ей мелких предметов – высохших травинок).

Заканчивая обзор предметных эталонов исчезновения (тех, кто исчезает, и тех, кто вызывает исчезновение), отметим, что они обладают разной функциональной нагрузкой. Некоторые образы выполняют разные функции в пределах одной ситуации (таковы вода, ветер, птица, нечистая сила и человек в рамках ситуации удаления из пространства). Другие образы реализуют одну функцию, но в составе разных ситуаций (например, образ собаки, которая уносит или уничтожает что-либо, используется как в ситуации удаления из пространства, так и в ситуации прекращения существования).

Все частные ситуации могут быть сведены к нескольким типам ситуаций (определенным «сценариям» осуществления различных действий), а эти типовые ситуации на более высоком уровне обобщения можно рассматривать как реализации некоего отвлеченного образца, «прототипической» ситуации исчезновения, которая включает в себя все потенциально возможные компоненты. Это субъект действия (тот, кто исчезает или кто этому способствует), инструмент (если действие совершает субъект-каузатор), образ и место действия. Состав участников может, как видим, варьировать в зависимости от типа ситуации, очевидно, что в конкретном языковом факте все пять компонентов вряд ли могут быть выражены (по крайней мере, средствами русского языка). Однако можно указать тип ситуации, которая обнаруживает такой полный набор всей совокупностью своих многочисленных реализаций. Это ситуация удаления из пространства (к примеру, исчезнуть может черт, скрывшись в воде, действие это осуществляется мгновенно; он же может инициировать пропажу посредством такого «инструмента», как помело).

С учетом того, являются ли семантические актанты необходимыми и достаточными для обозначения всей ситуации исчезновения, они могут быть подразделены на **конститутивные** и **неконститутивные**: к первым относятся субъект исчезновения, субъект-каузатор и инструмент действия, ко вторым – образ и ме-

сто действия.

Среди конститутивных компонентов наиболее многочисленна группа субъектов-каузаторов – 17 (тогда как субъектов действия – 13, инструментов – 5). В силу того, что факт пропажи, исчезновения в известной степени парадоксален и кажется невероятным и неожиданным, говорящий склонен представлять его не как собственное действие субъекта, а как совершаемое над ним. Об этой тенденции можно судить также по частотности безличных конструкций типа литер. *как водой смыло, как ветром сдуло*, диал. новг. *как рукой взяло*, литер. *как ножом отрезало*, диал. перм. *как косой выкосило* и др.

Среди неконститутивных компонентов ситуации исчезновения больше всего локативов (12), что, безусловно, говорит о важности пространственной составляющей этой ситуации.

В целом же результаты анализа макроситуации исчезновения подтверждают полученные ранее выводы о том, что ядро значения ‘пропасть, исчезнуть’ составляют бытийный и пространственно-временной компоненты. Ситуации прекращения существования и передвижения в пространстве и оказываются в фокусе внимания номинатора, именно к ним он обращается наиболее часто, пытаясь выразить наглядное представление о том, как кто- или что-либо может исчезнуть (ситуация прекращения существования занимает второе место по степени разработанности после ситуации удаления из пространства).

Если говорить о том, как связаны друг с другом понятие и ситуация исчезновения, то необходимо учитывать соотношенность конкретных ситуаций с моделями номинации. Эти модели, как говорилось выше, могут быть рассмотрены в качестве денотативного компонента метазначения ‘пропасть, исчезнуть’, значит, прототипическую ситуацию исчезновения следует проецировать тоже на денотативную зону семантики. Это лишний раз доказывает единство различных когнитивных стратегий субъекта номинации, имеющих общий смысловой фундамент.

Выявленные в ходе ономастического-этимологического анализа модели позволяют осуществить семантическую реконструкцию «темных» лексических единиц, анализу которых полностью посвящена *третья глава* диссертации («**Семантическая реконструкция и этимология некоторых лексических единиц со значением ‘пропасть, исчезнуть’**»). В этой главе, состоящей из трех разделов, наряду с единицами исконного происхождения (диал. *на искѹн пойти*, литер. *его и Митькой звали*, диал. *его и Митька прѣл, как мѣа съела*) рассматриваются немногочисленные случаи заимствования (диал. *идти в нивечъ, кѣишиться, мя љнуѣть, ры љнда съела*), а также контаминации исконных и заимствованных фактов (диал. *кѹмелем пойти, пойти в кѹмель*).

Для арх. *на искѹн пойти* прослеживается возможность семантической реконструкции в связи с глаголом **kunēti*, производным от **kuna* ‘куница’ (об этом глаголе см. [ЭССЯ 13, 105]). Вторичные значения глагола *кунѣть* и его производных – ‘расти, поправляться, набираться сил’, ‘расти, мужать’ и т.п. – допускают дальнейшее развитие в сторону ‘перерастаи, утратить какие-л. качества’. Ср. в плане типологии *переродиться* литер. ‘утратить постепенно свои прежние качества, свойства’ и диал. волог. ‘исчезнуть, перевестись’. Следует отметить, что такая мотивировка в большей мере соответствует контексту, ак-

туализирующему женскую и брачную символику куницы: «В двадцать два года наливна ягодка, а дальше на искун пойдет (о молодой девушке)».

Диал. влад., яросл., волог., карел. рус. *его и Митька прял* и литер. *его и Митькой звали*, несмотря на наличие в их составе одного и того же имени, вряд ли соотносительны друг с другом, так как денотаты именных компонентов фразеологизмов не совпадают друг с другом: в первом случае имя обозначает того, кто инициирует чье-либо исчезновение, во втором – самого исчезнувшего.

В.М. Мокиенко считает, что происхождение идиомы *его и Митькой звали* (первоначально *Минькой звали*) связано с выражением *поминай как звали* (как ответная реплика на подразумеваемый в нем вопрос), выбор имени *Минька* обусловлен его притяжением к созвучному *помянуть*⁷, аттракцией, по-видимому, объясняется и замена одного имени другим при затемнении внутренней формы идиомы. В то же время не исключено, что имя *Митька* возникло вследствие игровой онимизации какой-либо формы глагола *мести*, ср. простореч. *выместись*, диал. волог. *заместись* ‘исчезнуть’. О возможности онимизации свидетельствуют обозначения в загадках именем *Митька* веника и саней, а также ср.-урал. *митька-зуй* ‘кулик’, *митя* ‘бабочка’ (последнее возникло на базе *митель*, в свою очередь производного от *метыль*, *мотыль*).

С учетом того, что при прядении из гребня, палки с куделью, достаточно быстрым движением руки вытягивается несколько волокон, внутреннюю форму второй идиомы можно расшифровать таким образом: ‘пропасть, будучи кем-то взятым’ (см. контексты: «*Не успеешь выпустить, а ее уж Митька прял*»; «*Сего дня не награбила углей, ушла на озеро, а пришла – уж Митька прял*»).

Что касается имени *Митька*, то его можно рассматривать как персонифицированный хроним народного календаря, отсылающий к *Дмитриевой субботе* – одному из дней поминовения умерших, к которому были, в частности, приурочены запреты, касающиеся работ и действий ткацкого цикла. Следствием нарушения подобного запрета и могла быть ситуация, обозначенная во внутренней форме идиомы. Ср. полесский контекст, описывающий действия некоего *Пылипа* (последний является персонификацией другого поминального дня – *пилиповских дедов*): «*Пэрд пылипоўкой на деды, як нэ прядэш, оставиш кудэля на пѣтусі, то прйдэ Пылип, насэре, намарае, наложыт у кудэлю...*»⁸. Кроме того, не исключена (так же, как и в рамках версии происхождения идиомы *его и Митькой звали*) аттракция имени к глаголу *мести*, *мотать*. Симптоматично, на наш взгляд, что в одном из сказов ивановских ткачей про горностайку, у которой наиболее явно выражена роль пряжи и ткачихи, фигурирует имя *Митряшка* – так зовут мальчика, помогающего горностайке распутать мотки пряжи, в которые превращаются «спутанные» мотелью сугробы⁹.

Арх. как *мжа* (амжа́, мжа́ка) съела целесообразно рассматривать в рамках морфо-семантического поля, которое образуют следующие языковые еди-

⁷ Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999. С. 380.

⁸ Толстая С.М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 221.

⁹ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 220–221.

ницы: 1) арх., волог. *бмжá* ‘обжора’, ср. смол. *амжá тебя ешь* ‘черт тебя побери’; 2) арх. *мжйтсья* ‘затягиваться холодным туманом’, ср. литер. *туман (мрак, тьма) поглощает, поглотил(а)*; 3) смол., зап.-брян. *имжá* ‘изморось, мелкий дождь, медовая роса’ (выделяемая тлей и другими насекомыми медовая роса разъедает листья растений и вызывает их болезнь) и литер. *ест как ржа*, ср. приам. *ржáвец* ‘туман, поражающий зерно злаковых растений’; 4) пск. *пáмжа* ‘болезнь’, ‘смерть’, ‘черт’. С учетом этого внутренняя форма идиомы как *мжа съела* может быть истолкована двояко: ‘скрыть(ся) в тумане, исчезнуть из поля зрения’ или ‘съесть(ся), ‘уничтожить(ся)’ (субъекты-каузаторы в этом случае – обжора, болезнь или то, чем она вызвана (туман, медовая роса), или черт). Ср. литер. *съедать* ‘полностью истреблять, уничтожать (о силах природы)’, простореч. *мышь съели, птички склевали*, диал. перм. *собаки съели и др.*

Среди лексических единиц неисконного происхождения выделяются те, которые заимствованы из славянских и финно-угорских языков, последних больше (такое соотношение заимствований отчасти можно объяснить выбором источника материала – словарей, охватывающих территорию Русского Севера, зону активных контактов с финно-уграми). Следует заметить, что разделение лексики со значением ‘пропасть, исчезнуть’ на исконную и неисконную носит несколько условный характер, так как у некоторых заимствований это значение развивается уже на русской почве (см. *кúмелем пойти, кúвиштасья, ры ¿нда съела*).

Зап.-брян. *нивечыть* ‘превращать в ничто, уничтожать’, зап.-брян., смол., пск. *идти в нівечь* ‘пропадать’ проникли в русские говоры из украинского или белорусского языка – см. блр. диал. *нівечыць (нивичиць)* ‘превращать в ничто, портить’, укр. *нівечити* ‘портить, уничтожать, превращать в ничто’; блр. *нівеч (нивичь)* ‘ничто, ничтожество’: *въ нивичь пошло*, укр. *нєвіч, нівець* ‘то же’: *пішло в нівець*. Украинские и белорусские факты представляют собой заимствование из польского [ЭСБМ 8, 25–26]. См. польск. *niweczyć, zniweczyć* ‘уничтожать, разрушать, разбивать (повергать) в прах; сводить на нет’, производное от устар. *niwecz* ‘в ничто’ [Brückner, 364]: *obrócić wniwecz* ‘превратить (повергнуть, разбить) в прах, разрушить’. Диал. *идти в нівечь*, таким образом, представляет собой номинативную параллель к литер. *превратиться (обратиться) в ничто*.

Олон. *кúвиштась(ся)* ‘кончить, кончиться, умереть, сильно устать’ (см. также карел. рус. *кúвиштасья* ‘погибнуть’, ‘сдохнуть (о скотине)’, ‘пропасть, потеряться, исчезнуть’) Я. Калима сравнивает с вепс. *kibištān* ‘болеть, причинять боль’, карел. *kivistä-*, фин. *kivistää*, однако не считает данные сопоставления надежными по семасиологическим основаниям¹⁰. С формальной точки зрения русскому диалектизму наиболее близки карел. *kivistä, kivist’iä* ‘болеть, нить’. Что касается семантики, то переход ‘болеть’ → ‘сильно устать’ и ‘умереть’ (откуда, в свою очередь, ‘кончить(ся)’ и ‘пропасть, исчезнуть’) вполне можно объяснить как осуществившийся уже на русской почве.

Гл. *мя ¿ну¿тъ* карел. рус. ‘пройти, проехать мимо кого-, чего-н.; миновать’, карел. рус., волог. ‘исчезнуть неизвестно куда, пропасть’ также заимствовано из

¹⁰ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (MSFOu, XLIV). P. 116–117.

прибалтийско-финских языков: ср. карел. твер. *männä*, фин. вост.-диал. *männä* 'идти, направляться', 'переходить в какое-л. иное состояние, оказываться в каком-л. положении', 'расходиться, идти', 'пропадать; погибать' и др. В процессе «обрусения» заимствование оформляется соответствующим перфектному значению глагола суффиксом, смещение ударения происходит, очевидно, при аттракции к формально и семантически близкому глаголу *минуть* (см. *миновать* новг., карел. рус. 'уйти в прошлое, исчезнуть, умереть', волог. 'умирать').

Существительное в составе волог. *ры жнда съела* может быть истолковано так же, как и именной компонент идиомы волог. *ры жнда сделает* 'о нежелании что-л. сделать, предполагая, что это сделает другой' – как наименование субъекта действия как такового, в данном случае уничтожения, которое очень часто обозначается через «пищевой» образ (см. выше как *мжа съедит* и др.). Данную лексему следует сопоставить с фин. *ryntty* 'оборванный, плохо одетый человек' и родственным ему, согласно [SKES, 767], *renttu* 'шалопай, проказник, беспутный человек, негодяй, бездельник'. См. новг., волог. *ры жнда* 'бранно (о человеке)' в контекстах «*Ой ты, рында, чево делаешь то*»; «*Чё-нить плохое сделает кто – ой ты как рында*».

Подводя итог анализу заимствований, отметим, что собственно заимствования единичны (см. *идти в нівечь, мя жну жть*). Это объясняется, по-видимому, абстрактностью семантики исчезновения и широкими возможностями ее реализации средствами исконной лексики. Факторами, обусловившими заимствование, являются, как и при контаминации, сближение по созвучию (см. *мя жну жть* ↔ *минуть*) и/или сходство номинативной модели (те же плюс диал. *идти в нівечь* ↔ литер. *превратиться в ничто*).

Арх., волог. *кумелем* 'неудачно, как придется, кое-как', входящее в состав фразеологизма *кумелем* (*кумилъко́м, кумелькой, кумельгой*) *пойти, пойти в кумель*, представляет собой результат контаминации финно-угорского заимствования (ср. карел. *kumoallah, -llah* 'быть опрокинутым, опрокидывать', олон. *kumoalleh*, водск. *kummolā, kumtillā* 'согнувшись, сгорбившись', эст. *kumtuli* 'вверх дном, вверх ногами; упасть лицом вниз', коми язв. *кумил'ган мунé* и исконной по происхождению лексики, деривата сущ. *комель* (*комелек*). Тот факт, что *кумелем* может быть производно от слова *комель* (*комелек*) подтверждается географически (ареал лексем гораздо шире зоны возможных русско-финно-угорских контактов), фонетически (см. чередование *о // у* в ударной позиции: волог. *кумилъкой* и *кумилъкой пойти*, озвончение *к > г* экспрессивного характера) и семантически (ср., к примеру, яросл. *кумелёк* 'пучок волос, узел на голове' и тобол. *комелёк* 'то же').

В заключении обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы разработки заявленной проблематики.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. К вопросу о путях формирования значений пустоты и наполненности в русских народных говорах // Русская диалектная этимология: Тез. докл. и сообщ. Третьего науч. совещания, 21–23 октября 1999. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 72–75.

2. К семантической реконструкции рус. диал. *как мжа съела* 'пропасть, ис-

чезнуть' // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 90–96.

3. Кого звали Митькой? (к интерпретации идиом (*его и*) *Митькой звали*, (*его и*) *Митька прят*) // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. 8-й рос. научно-практ. конф. (Орел, ноябрь 2001 г.) М.: Энциклопедия российских деревень, 2001. С. 167–170.

4. Севернорусское диалектное *пойти кумелем* // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М.: Наука, 2001. С. 343–349.

5. Способы номинативного «остранения» исчезнувшего в русском языке // Лингво-культурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 138–140.

6. К вопросу о методике ономастологического анализа семантического поля (на материале лексики русских народных говоров) // В.И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В.И. Даля. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. С. 93–96.

7. Об одной номинативной параллели в лексике со значением пустоты и исчезновения: *ветер* // Язык. Система. Личность. Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25–26 апреля 2002. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2002. С. 107–111.

8. Севернорусское диалектное *рында* // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 36–44.

9. Рус. диал. *на искун пойти, идти (пойти) хинью* // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 года. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 106–109.

10. К анализу денотативного уровня концептуального поля «Исчезновение» // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 85–95.

11. Зрительное и слуховое восприятие исчезновения (на материале русского языка) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 1. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 63–76.

Подписано в печать 28.10.2003. Формат 60х84 1/16

Бумага для множительных аппаратов.

Усл.-печ. л. 1,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе в ООО «Таймер-КЦ».

Екатеринбург, Сибирский тракт, 3–301